



Власть прошлаго ¹⁾.

Пятнадцать слишком лѣтъ воспитательской службы отозвались на здоровьѣ Андрея Александровича, и высшее начальство даетъ ему возможность съѣздить и полѣчиться на Кавказѣ. Наташа и Коля ѣдутъ, конечно, тоже. Жить на двѣ семьи стало бы дороже. Да въ то время на минеральныхъ водахъ жизнь была страшно дешева. И мать, и сынъ въ восторгѣ отъ предстоящей поѣздки. Коля беретъ съ собою Лермонтова и собирается вести дневникъ. Онъ ходитъ по комнатамъ, декламируетъ „Демона“ и „Мцыри“. Его юная головка восторженно воспринимаетъ это счастье.

Съ начала лѣта они устраиваются въ Эссентукахъ, гдѣ Андрей Александровичъ проходитъ шестинедѣльный курсъ лѣченія, а потомъ ѣдутъ пожить въ Кисловодскъ. А тамъ и дальше. Ѣдутъ во Владикавказъ, а оттуда совершаютъ поѣздку по военно-грузинской дорогѣ. Какой восторгъ, какое восхищенье! Вотъ бѣлоснѣжный двуглавый Эльбрусъ! И не знаешь, когда онъ лучше: озаренный ли тихимъ голубымъ свѣтомъ луны или играющій всеми цвѣтами радуги подъ золотыми лучами восходящаго солнца! Вотъ угрюмая тѣспина Дарьяла; мутный Терекъ реветъ, бушуетъ и несетъ на своихъ волнахъ каменные громады. Вотъ Казбекъ, Царь Кавказа, въ своей парчевой ризѣ. Вотъ и Гудадръ, перевалъ черезъ хребетъ; зимой и лѣтомъ здѣсь можно видѣть снѣгъ; а дальше Млетскій спускъ, долины Арагвы и Куры и равнины благословенной Грузіи. Какая красота, какая благодать! Какими дивными яркими красками описалъ все это Лермонтовъ, и ничего не сможетъ больше прибавить нашъ бѣдный языкъ.—Изъ

¹⁾ См. „Рус. Стар.“, мартъ 1916 года.

Тифлиса Скарятинны проѣхали на Батумъ, а оттуда въ Крымъ, гдѣ объѣхали все Южное побережье. Дикая прелесть Георгіевскаго монастыря, эта хаотическая круча, спускающаяся къ самому морю, полукругъ красивыхъ грозныхъ скалъ, вдали мысъ Фіолентъ, гигантскіе кипарисы Массандры, волшебная аллея розъ, Львиная терраса въ Алупкѣ, живописныя развалины Ореанды и наконецъ бессмертные памятники Севастополя—все, все запечатлѣлось яркими, вѣчными красками въ душахъ матери и сына. Они вмѣстѣ восторгались, дѣлились мыслями. Счастью Наташи не было предѣла. Несмотря на приближающуюся старость, она все такъ же ярко и живо чувствовала, все такъ же преклонялась передъ красотами природы, какъ и въ юности.

А теперь еще рядомъ съ ней стоялъ ея красавецъ сынъ, ея ненаглядный мальчикъ! Какъ часто въ такія блаженныя минуты восторга ея губы невольно шептали слова поэта:

Природа, Богъ и ты!
 Всѣ воплощенія бессмертной красоты
 Со мною и мой!...

Но всему на свѣтѣ бываетъ конецъ. Такъ и эта волшебная сказка быстро кончилась. И сѣрая будничная жизнь показалась еще сѣрѣе, еще хуже. А для Наташи счастье и совсемъ закатилось. Какъ ни старалась она отгонять отъ себя назойливую мысль, какъ ни хотѣлось ей думать, что вотъ случится чудо и горькая чаша минуетъ ее—но пришло время, пришлось взглянуть этому ужасу въ глаза.—Кончивъ корпусъ однимъ изъ первыхъ, Коля былъ назначенъ въ Михайловское артиллерійское училище и въ концѣ августа долженъ былъ уѣхать въ Петербургъ. Въ первый разъ въ жизни Наташа разставалась съ сыномъ. Какъ темная, грозная туча надвигалась на нее эта разлука. Она чувствовала ея приближеніе всѣми силами души и тѣла.

„Онъ уѣхалъ, онъ далеко отъ меня—и я еще живу!“ писала Наташа въ своемъ дневникѣ. Ни о чемъ другомъ она думать больше не могла. Мысль эта, скорбь эта заполонили ее всю. Какъ жить безъ него! Утромъ не поцѣловать, вечеромъ не благословить! И потомъ этотъ вѣчный, гнетущій страхъ за него! Какъ-то онъ тамъ, что съ нимъ? Всѣ первы ея были

напряжены. Все трепетало и болѣло.—Вотъ пришло первое письмо. Дрожащими руками распечатала она его; но оно ей ничего не сказало. Мальчикъ, ошеломленный новизной и массою впечатлѣній, не могъ еще въ нихъ разобраться. За то въ послѣдующихъ письмахъ уже начала проявляться тоска. Привыкшій къ свободѣ, къ ласкѣ—онъ былъ лишенъ тамъ и того, и другого. Включенный въ узкія рамки солдатской жизни, теряющій совершенно свою субъективность, чувствуя подъ собою лишь желѣзную руку начальства, сознавая себя лишь такимъ-то номеромъ въ строю—онъ скоро весь потерялся и сталъ писать матери отчаянныя письма. Кровью обливалось сердце Наташи, читая ихъ. Чувствуя себя совершенно безпомощной, она обратилась къ мужу.

— Андрей, что намъ дѣлать? Такъ не можетъ продолжаться!

— Андрей Александровичъ нахмурилъ брови, читая безпорядочныя строки.

— Ты въ немъ убила всякую самостоятельность! кислый мальчишка!

— Чѣмъ, ради Бога? И она съ невыразимымъ ужасомъ ждала опредѣленія своего грѣха.

— Чѣмъ?.. И Андрей Александровичъ усмѣхнулся. Пришпилила къ своей юбкѣ. Мальчишка шагу не умѣетъ ступить безъ тебя. Маменькино дѣтище—одно слово!

Съ поникшей головой, съ тяжелымъ сердцемъ Наташа ушла къ себѣ разобраться въ своихъ чувствахъ. Можетъ быть, и на самомъ дѣлѣ она своей лаской, своими неустанными заботами повредила ему. Можетъ быть, такъ воспитывать можно только дѣвочку, а не юношу.—Собравшись съ духомъ и упрятавъ свое сердце въ каменную броню, она сѣла за письменный столъ и настрочила посланіе своему мальчику. Серьезнымъ дѣловитымъ тономъ доказывала она ему все преимущество Мпхайловскаго училища, всю необходимость кончить курсъ именно тамъ, просила его взять себя въ руки. доказывала ему, что въ семнадцать лѣтъ человѣкъ ужъ мужчина и т. д., и т. д.—Перечитавъ письмо, она осталась имъ очень довольна; ей въ особенности понравились послѣднія строки; вмѣсто обыкновеннаго: мой ангелъ, цѣлую твои глазки, твой лобикъ—стояло только: пока прощай; надѣюсь, что письмо это застанетъ тебя въ болѣе бодромъ состояніи духа...

— Не нужно нѣжничать и раскисать, твердила она себѣ, запечатывая и надписывая конвертъ. Черезъ нѣсколько дней пришелъ отвѣтъ.

„Ты бросаешь меня! Я не могу, не могу такъ дальше. Я чувствую себя такимъ одинокимъ, такимъ несчастнымъ. Молодому деревцу, когда оно растеть, нуженъ уходъ, поддержка, а у меня здѣсь этого нѣтъ... Если бъ ты только знала состояніе моей души! Это адъ! Я себя чувствую выброшеннымъ за бортъ. Къ довершенію всего у насъ страшная эпидемія брюшного тифа; семеро въ лазаретѣ и двое уже умерло“...

Дальше она не читала...

Въ декабрѣ мѣсяцѣ Коля былъ переведенъ въ Москву, въ Александровское военное училище. Андрей Александровичъ съѣздилъ въ Петербургъ, побывалъ у великаго князя и у начальства, и дѣло было сдѣлано въ нѣсколько дней. Наступали праздники Рождества Христова и пріѣзда Коли ждали со дня на день. Наташа не знала, съ какимъ поѣздомъ онъ долженъ былъ пріѣхать. Въ предпраздничное время кадеты и юнкера, возвращаясь домой, ѣздили съ тѣми поѣздами, на которые они попадали, а не съ тѣми, съ которыми хотѣли. Коля пріѣхалъ съ какимъ-то добавочнымъ поѣздомъ въ четыре часа дня. Умирать будетъ Наташа, а не забудетъ той минуты, когда раздался звонокъ и она выбѣжала встрѣчать его. Дверь была уже отворена и онъ быстро шелъ ей навстрѣчу, что-то громко говоря. Какъ будто небо открылось ей! И мать и сынъ бросились другъ къ другу и такъ и замерли. Вѣдь это была ихъ первая разлука! Непаглядный, дорогой! шептала она, прижимая его къ себѣ и покрывая поцѣлуями и лицо, и руки его.— Ну вотъ онъ и опять съ нею! Около ея и подъ ея крылышкомъ! Какое блаженство, какое счастье! Видѣть его всегда, ежеминутно! Цѣловать, ласкать его! Опять рядышкомъ сидѣть близко, близко и чувствовать его голову у себя на плечѣ. Наташа спрашивала себя, почему она никогда не испытывала такого блаженства и восторга отъ ласкъ мужа? Не была она создана для *той* любви. Она была *только мать!* Съ какой гордостью и упоеньемъ смотрѣла она на него. Молодецъ, высокій, красивый! За эти три мѣсяца онъ, хотя и похудѣлъ немного, но за то возмужалъ, выросъ. Отъ всей его изящной и стройной фигуры вѣяло какимъ-то обаяньемъ!.. Грубое сукно солдатской шинели и бушлата не только не мѣшало этому впечатлѣнію, но еще рѣзче выдѣляло его изящную голову съ тонкими чертами лица, темными, вдумчивыми глазами матери, красиво изогнутыми бровями, все въ немъ плѣняло и поко-

ряло. Много дѣвичьихъ сердець погибло на тѣхъ балахъ и вечеринкахъ, гдѣ онъ бывалъ. Не только вѣтренныя, легкомысленныя головки были очарованы имъ, но и всѣ знакомые и родные. Вездѣ, гдѣ только Наташа бывала съ сыномъ, ей приходилось слышать массу похвалъ ему. Она сіяла и торжествовала, а сама въ душѣ думала: хвалите, хвалите! А, если бы вы всѣ еще знали его душу, его сердце! Вы бы еще не то сказали!

И она была права. Рѣдко можно было встрѣтить, чтобы между матерью и сыномъ существовала такая духовная связь. Для нея онъ былъ все. Вся жизнь ея, всѣ ея интересы, все это заключалось лишь въ немъ одномъ. Ему она повѣряла и заботы свои, и непріятности. И носи ея личное горе другой характеръ, она не преминула бы сдѣлать его своимъ повѣреннымъ. Но что-то такое еще удерживало ее дѣлиться съ нимъ, какое-то чувство стыдливости и, какъ ей иногда казалось, чувство оскорбленнаго самолюбія. Ей не хотѣлось обнажать передъ нимъ свою душу. Хотя она глубоко сознавала, что рано или поздно эта *тайна* будетъ открыта и понята имъ.

Отношенія съ Андреемъ Александровичемъ дѣлались все отдаленнѣе, все чужбѣе. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, что она уклоняется отъ супружескихъ обязанностей; ей слишкомъ тяжело быть *только самкой*. Вечеромъ, ночью—ласки, а днемъ—равнодушіе и подъ часъ рѣзкія слова. Нѣтъ! Она не можетъ такъ, на это она не пойдетъ, это ей претитъ.—Иногда она переживала тяжелыя минуты сомнѣнія. Разсматривая серьезно и строго анализируя свое поведеніе, она глубоко осуждала себя. *Она не исполняла своего дома*—вотъ мысль, которая вставала передъ ней безъ всякихъ прикрасъ и для которой она и не старалась выискивать извиненія. вмѣсто снисхожденія къ слабостямъ мужа—рѣзкое осужденіе; вмѣсто умиротворяющихъ словъ—враждебныя выраженія. И, если она и сознавала себя правой, то тамъ, въ глубинѣ души, въ самомъ тайникѣ ея, она чувствовала и понимала, что она уже *не права* тѣмъ, что высказываетъ свою правоту. Но, какъ помочь горю, что дѣлать—она не знала. Будь съ его стороны хотя бы проблескъ теплаго чувства, немного вниманія, немного ласки къ ней—какъ знать! Можетъ быть и все бы пошло по-иному!... Но нѣтъ! Полное равнодушіе—вотъ что она видѣла на каждомъ шагу.—

Два года юнкерства пролетѣли быстро. Были и свѣтлые, были и черные, тяжелые дни. Въ концѣ іюля передъ самымъ производствомъ были назначены большіе маневры. Для Наташи это было—terra incognita. Что ожидало тамъ ея ненагляднаго? Какіе труды, какія лишенія? Поздно ночью въ день отъѣзда училища подъ Курскъ, гдѣ маневры были назначены, Наташа съ Андреемъ Александровичемъ отправились на товарную станцію Курской ж. д., чтобы отвезти кой-какую провизію Колю. Темная, едва освѣщенная платформа, съ которой сѣли въ поѣздъ юнкера, произвела на Наташу гнетущее впечатлѣніе. Она успѣла повидать сына едва нѣсколько минутъ, сунула ему въ руки пакетъ и взяла съ него обѣщаніе беречь себя. И поцѣловала-то, и обняла-то наскоро, такъ какъ его ужъ куда-то звали и требовали. Грустная и озабоченная слѣдовала она въ темнотѣ за Андреемъ Александровичемъ, направляясь къ какому-то деревянному забору, за которымъ ихъ ждалъ извозчикъ.

— Господь мой! Точна на войну проводила! вздохнула она, и сердце ея болѣзненно сжалось какъ бы отъ тяжелаго предчувствія.

Но вотъ и маневры кончены. Училище вернулось въ Москву, и будущіе офицеры съ нетерпѣніемъ и волненіемъ ждутъ Высочайшей телеграммы изъ Петербурга.— У Коли уже все готово. Въ комнатѣ стоитъ новая мебель; на кровати новыя подушки, новое стеганое одѣяло; въ комодѣ стопочками лежитъ бѣлье шитое и мѣченое все собственными руками Наташи. По кресламъ разложено офицерское пальто, сюртукъ, мундиръ; столъ заваленъ темляками, шарфами, эполетами, погонами. Но вотъ, радостная вѣсть приходитъ! Коля облачается въ новую форму, и Наташа съ умилсіемъ глядитъ на новоиспеченнаго офицера. Она взволнована не меньше своего мальчугана. Коля—офицеръ, Коля—свободный человѣкъ! Ученье, зубрежка, экзамены—всѣ эти мученья кончены. Надъ нимъ нѣтъ больше воспитателя, нѣтъ дежурнаго офицера, который въ любую минуту можетъ сдѣлать ему выговоръ, лишить его свободы, однимъ словомъ, распорядиться имъ, какъ вещью. Радостно и спокойно на сердцѣ у Наташи.

Коля выходитъ въ одинъ изъ Московскихъ полковъ, такъ что жить будетъ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью. Все, это какъ нельзя лучше, устраиваетъ ихъ. Къ довершенію всѣхъ благъ Скарятины совершенно неожиданно получаютъ небольшое наслѣдство, и это даетъ имъ возможность расплатиться съ долгами и вздохнуть свободнѣе. Наташа подправила свой туалетъ и стала даже

выѣзжать съ сыномъ. Ихъ всюду встрѣчали съ распростертыми объятіями, въ особенности въ домахъ, гдѣ были барышни. Всѣ мамы одна передъ другой изощрялись въ любезностяхъ. Наташа не была такъ глупа, чтобы принимать все за чистую монету, и прекрасно предвидѣла всѣ ихъ планы и невысказываемыя мечты.

Но Коля былъ слишкомъ молодъ. О женитьбѣ не могло быть и рѣчи, и Наташа ревниво оберегала его отъ всѣхъ, разставленныхъ ему ловушекъ. Тогда всѣ мамы, понявъ, что ихъ планы разбиты, обрушились на Наташу.

— Помилуйте, да кто-жъ изъ матерей отдастъ свою дочь за молодого Скарятину! Вѣдь это прямо сгубитъ ее! Отъ свекрови житья не будетъ. Она прямо съѣстъ несчастную.

Всѣ эти слухи доходили до Наташи, и она отъ души смѣялась надъ ними. Но все-таки же продолжала оберегать Колю. Ей казалось, что онъ въ безопасности только съ нею. Она не любила, чтобы онъ бывалъ тамъ, гдѣ она не бывала. Ей ставили въ упрекъ, что она стѣсняетъ его, не даетъ жить ему. Она этого не постигала; ей казалось, что это ея долгъ, ея святая обязанность постоянно слѣдить за нимъ.

У нея были на это серьезныя причины. Андрей Александровичъ былъ немного неразборчивъ на знакомства и иногда вводилъ Колю въ совершенно неподходящія ему общества. Но къ счастью Коля мало увлекался женщинами. Слишкомъ большой успѣхъ избаловалъ его и такъ какъ добиваться ничего не приходилось, а все предлагалось прямо безъ боя, то и интересъ къ этому вопросу изсякъ у него очень быстро. А чтобы полюбить серьезно, искренно, глубоко, то вѣдь въ двадцать лѣтъ это немислимо.

Наташу въ особенности возмущало поведеніе молодыхъ замужнихъ женщинъ. Былъ ли то духъ новаго столѣтія, опростылись ли до такой степени нравы человѣческіе, или можетъ быть слова: честь и нравственность получили теперь у людей совершенно другое значеніе, но Наташа не могла понять, не могла уяснить себѣ это поведеніе современныхъ женщинъ, найти для нихъ какое-либо оправданіе въ своей душѣ. Нисколько не стѣсняясь, онѣ выражали Колѣ далеко не духовную свою симпатію и только и мечтали о томъ, какъ бы заполучить въ своя тетета юнаго офицера!.. А дальше, дальше что? Наташа отлично понимала и сознавала, что придетъ время и „онъ уйдетъ“ отъ нея. Но только бы не такъ, только не такъ! А о другомъ теперь еще и рано было думать. Да она и стара-

лась не думать! Отгоняла всё эти назойливыя и горькія ошасенія.

Она знала лишь одно: жизнь безъ него была немислима!

Наташа сидѣла за утреннимъ чаемъ. Она только-что проводила Колю въ полкъ. Андрей Александровичъ вошелъ съ газетою въ рукахъ.

— Читала? Нѣтъ, каковы мерзавцы! Кто бы могъ ожидать этого!

И онъ прочелъ ей о коварномъ нападеніи японцевъ на нашъ флотъ въ Портъ-Артуръ.

— Подумай, какова дерзость! Куда они лѣзутъ? Хотятъ потягаться съ нами! Ну, и достанется же имъ!

Извѣстіе поразило Наташу. Хотя она и прочитывала газеты, но политика не особенно интересовала ее. Въдъ нужно же сознаться, что 1904 годъ встряхнулъ всѣхъ: всѣ занялись политикой. Жизнь на всемъ земномъ шарѣ пошла какимъ-то усиленнымъ темпомъ; событія неслись и смѣнялись съ быстротою молніи. Наташа вспомнила 1877 годъ, какъ она провожала на войну мужа. И, конечно, мысль, которая мелькнула у нея непосредственно за этимъ воспоминаньемъ, была—возможность теперь ухода на войну Коли. Все содрогнулось въ ней. Нѣтъ, нѣтъ! Этого быть не можетъ! Это было бы слишкомъ ужасно! И разумъ и сердце отказывались принять такой ужасъ. Да можетъ быть это еще и фальшивая тревога!

Но, что дѣлать! Послѣдующія событія заставляютъ убѣдиться, что фактъ на-лицо.

Война, война! загремѣло въ воздухѣ. Отвѣтить вооруженной силой на дерзкій вызовъ Японіи—послышалось свыше. Мирное теченіе жизни возмутилось; русское человѣчество вспыхнуло ненавистью къ врагу. А сердца матерей, женъ, сестеръ при одной попыткѣ реализовать эту мысль, облились кровью. Когда начались только-что военныя дѣйствія, въ Москвѣ царилъ неподдѣльный энтузіазмъ; городъ жилъ лихорадочной жизнью; на улицахъ масса народа, въ особенности молодежи; устраивались шествія, манифестаціи; говорили, что „японцу зададутъ“. Что они могутъ выставить, эти желтыя обезьяны Пятидесять тысячъ не болѣе—шанками мы ихъ забросаемъ!

Но патріотическій подъемъ этотъ быстро исчезъ. Потомъ,

позднѣе все это перешло на субъективную почву. Возможность потерять мужа, сына, брата—вотъ что заставляло трепетать и до боли биться женскія сердца. Матерей Гракховъ у насъ больше нѣтъ! Въ одной изъ газетъ было напечатано разсужденіе о томъ, что выгода и сила Россіи въ томъ, что у нея неистощимый человѣческій матерьялъ. На это одна изъ многихъ русскихъ матерей отвѣтила: Для дѣтей, у которыхъ убьютъ отца, у жены—мужа, у матери—сына, матерьялъ этотъ истощается скоро“!

Цѣлый годъ ужасовъ промелькнулъ быстро.

Чемульпо, Портъ-Артуръ, Ялу, гибель „Петропавловска!“ Всѣ сердца, всѣ умы напряжены. Господи, когда же конецъ? Когда? Его не предвидится. Ни одной побѣды, ни одного облегченнаго вздоха.

Вотъ уже и Московскіе полки тронули. Начинаютъ вырывать кучками, нужно пополнить исчезнувшіе тамъ въ этомъ аду, батареи, полки, батальоны...

Съ присущей ей сердечностью и торжественностью провожала Москва всѣхъ отправлявшихся на Дальній Востокъ. Но, какъ ни странно, все населеніе раздѣлилось на два, совершенно противумыслящіе лагеря. Первую половину составляли настоящіе патріоты, которые если и не особенно смыслили въ политикѣ, но во всякомъ случаѣ сердечно и съ доброжелательствомъ относились къ нашимъ войскамъ, ушедшимъ и уходившимъ на Дальній Востокъ, радовались ихъ побѣдамъ и искренними слезами плакали надъ ихъ страданіями и пораженіями. Другую половину составляла озлобленная масса, враждебно относящаяся и къ арміи и ко всевозможному начальству (въ особенности къ военному); эти люди точно радовались нашимъ пораженіямъ и съ какимъ-то злорадствомъ говорили, что всѣ эти бѣды полезны Россіи, что онѣ ее отрезвять.

Сегодня Наташѣ какъ-то особенно тяжело и грустно. Коля въ караулѣ и вернется только завтра утромъ. Сердце чуетъ бѣду и болитъ и ноетъ. Мѣста она себѣ не находитъ. Ночь, конечно, проводитъ безъ сна. На другой день, услыхавъ, что онъ вернулся, она бѣжитъ къ нему навстрѣчу. Лицо веселое, беззаботное, но Наташа вопросительно смотритъ на него.

— „Ты знаешь, мамочка, говоритъ онъ быстро, какъ-бы желая одновременно и извѣстить объ угрожавшей опасности и вмѣстѣ съ тѣмъ скорѣе сказать, что ея уже нѣтъ, что она

миновала. Знаешь, мамочка, вѣдь меня вчера уже было назначили на Дальній Востокъ; но, представь себѣ, пріѣхалъ Дмитрій Галицкій и просилъ меня уступить ему. Онъ почему-то ужасно хочетъ ѣхать туда. Я, конечно, согласился, и онъ на той недѣлѣ отправляется.

И Коля, видя испуганное и взволнованное лицо матери, обнимаетъ ее нѣжно,

— Ну, чего ты носъ повѣсила? смѣется онъ. Вѣдь миновало!

Да, миновало! Но она знала, чувствовала, что это только предупрежденіе, отсрочка, но что ударъ не минуетъ ее и что чашу эту испить ей придется до дна.

И она не ошиблась. Въ мартѣ 1905 года она поѣхала проводить до Сызрани своего племянника, отправлявшагося на Востокъ; возвращаясь домой, она ясно чувствовала, что *была* уже ждетъ ее.

Вотъ она входитъ въ квартиру; домашніе, встрѣчаютъ ее, но Коли между ними нѣтъ; она даже не спрашиваетъ объ немъ, она идетъ прямо къ нему въ комнату. Входитъ. Коля идетъ къ ней навстрѣчу и молча цѣлуетъ ее.

— Ну? и она жадно глядитъ на него.

— Мама, я назначенъ. 27-го долженъ выѣхать.

Она закрываетъ глаза и чувствуетъ, какъ вся холодѣетъ и ноги подкашиваются.

— Я знала, тихо произноситъ она.

Ну, вотъ, свершилось! Какого чуда ждать ей теперь! Какъ и куда бѣжать отъ неизбежнаго.

Онъ покидаетъ ее, онъ уходитъ! И куда?.. Въ этотъ крошечный адъ, въ этотъ край, гдѣ уже все залито кровью, гдѣ воздухъ весь пропитанъ стонами, страданіями, смертью, откуда нѣтъ возврата! И онъ, онъ, ея ненаглядный, долженъ ѣхать туда! Куда броситься, кого просить? Некуда и некого. Десятки тысячъ матерей уже оплакиваютъ своихъ сыновъ. Чѣмъ же она лучше ихъ, чѣмъ достойнѣе, чтобы избѣжать этого ужаса? Покорно склоняетъ она голову подъ занесенный мечъ и губы ея тихо шепчутъ: „Да будетъ воля Твоя“.

Двѣ недѣли сборовъ проходятъ скоро. Нужно купить и то, и другое. И бурку, и шапку, и складную постель, и котелочекъ. Нужно заказать шелковое бѣлье и теплыя валенки. Наташа ходитъ, ѣздитъ, покупаетъ, шьетъ; но дѣлаетъ это все,

какъ автоматъ. Все въ ней замерло. Мыслить она ни о чемъ не можетъ. Ночью проснется, и при одномъ воспоминаніи о дѣйствительности холодный потъ выступаетъ у ней, а сердце такъ стучитъ, что мѣшаетъ дышать.

Но вотъ и 27 марта. Холодный морозный день. Солнце яркими, огнистыми лучами заливаешь ослѣпительно снѣжное поле передъ окнами ихъ корпусной квартиры, кое-гдѣ уже видны проталинки, а по дорогѣ уже стучать колеса. Пришелъ священникъ, отслужилъ напутственный молебенъ; по старинному обычаю сѣли, потомъ встали, перекрестились и начали собираться. Приѣхали на вокзалъ; уже тамъ шумно, тѣсно; вмѣстѣ съ Колей отправляются еще трое офицеровъ изъ его полка. Наташа старается ни на минуту не отходить отъ своего мальчугана, старается все время глядѣть на него, чтобы черты ея лица навѣки, навсегда запечатлѣлись въ ея памяти. Но его постоянно отзываютъ; да и народу собралось много его проводить; нужно каждому удѣлить хоть нѣсколько минутъ. Вѣдь они—эти знакомые, родные, чужіе—вѣдь они не понимаютъ, не думаютъ, что всѣ эти минуты отняты отъ нея!

Но вотъ всѣ офицеры Р—го полка, и уѣзжающіе, и провожающіе собираются въ одну группу. Приносятъ шампанское, и командиръ полка, поднимая бокаль, громкимъ рѣзкимъ голосомъ говоритъ теплое задушевное слово отъѣзжающимъ. Называя каждаго по имени, онъ говоритъ о его качествахъ и заслугахъ. Наташа стоитъ поодаль, опираясь на руку брата Андрея Александровича.

— Мы провожаемъ также самаго младшаго члена нашей офицерской семьи—подпоручика Скарятина, украшеніе нашего полка... отчетливо раздается голосъ командира.

— Слышишь, Наташа! шепчетъ ей на ухо Сергѣй Александровичъ, ты можешь гордиться своимъ сыномъ!

Она слышитъ; но что ей въ томъ? Эту красоту, эту гордость отнимаютъ, берутъ отъ нея. И по какому праву! Кто смѣетъ! Отнять у матери сына, ея дѣтище, ея жизнь! Развѣ есть такой законъ? Какъ терпитъ это страна, народъ? И возмущенная душа трепещетъ и рвется. Но порывъ проходитъ, и она снова стоитъ безпомощная, убитая.

Первый звонокъ; идутъ къ вагонамъ. Теперь уже и Коля не отходить отъ матери и держитъ ее за руку. Всѣ толпятся около; каждому хочется быть поближе. Разговариваютъ о какихъ-то пустякахъ; кто-то кричитъ, чтобы ему привезли хорошенькую гейшу. Хохочутъ, болтаютъ, и всѣ оглично чув-

ствуютъ, что все это напускное. Но вотъ второй звонокъ. Настроеніе сразу мѣняется; всѣ дѣлаются сосредоточенными, серьезными, начинаютъ прощаться. Наташа обхватываетъ руками голову Коли и замираетъ въ безконечномъ поцѣлуѣ. Его отрываютъ отъ нея; пора садиться. Офицеры вскакиваютъ на площадку вагона. Полковой оркестръ играетъ маршъ, кричатъ „ура“, махаютъ платками, фуражками... поѣздъ тихо трогается...

— Коля!..

И Наташа, протягивая руки вслѣдъ уходящему поѣзду, падаетъ на колѣни, на платформу...

Ну вотъ его нѣтъ! Какъ она будетъ жить!

Вся въ слезахъ, убитая, вошла она въ его комнату. Вотъ его кровать, образокъ надъ ней; вотъ его вещи, разбросанныя по кресламъ и столу, бѣлье, не вошедшее въ маленькій дорожный сундучекъ, ненужная пара погонъ, лишній шарфъ! Машинально перебираетъ она ихъ. Зачѣмъ теперь они? Куда ихъ дѣтъ? Можетъ быть, понадобятся, когда вернется?

Вернется! вернется!.. Какъ дико звучитъ это слово! Да развѣ это возможно: вернуться оттуда! изъ этого ада! Сколько ихъ туда уже ушло и не вернулось! Не вернулось—потому-что оттуда нѣтъ возврата. Вотъ сегодня ночью, вмѣсто того, чтобы спать на своей постелѣ, подъ этимъ мягкимъ одѣяломъ, онъ будетъ спать въ вагонѣ, и много, много ночей пройдутъ такъ; а тамъ въ какой-нибудь фанзѣ, въ тѣсныхъ окопахъ, въ холодѣ, въ грязи; никто къ нему не подойдетъ, не поцѣлуетъ, не благословитъ, а тамъ, еще дальше... поле битвы, стоны раненыхъ, всѣ ужасы войны! Господь Милосердный, какими словами передать, что дѣлалось въ ея душѣ! Ея мальчикъ, ея сокровище! Съ каждымъ часомъ, съ каждой минутой онъ все больше и больше удаляется отъ нея; и все ближе и ближе онъ къ тому неизвѣстному, страшному, ужасающему! И никакія силы, никакія молитвы не могутъ вернуть его. Господи, вотъ бы только еще разокъ поцѣловать [и обнять его! Наташа становится на колѣни передъ кроватью и, опустивъ голову на осиротѣвшую подушку, горько, горько плачетъ...

Послѣ отъѣзда сына на войну, Андрей Александровичъ рѣшилъ покинуть кадетскій корпусъ. Не безъ труда и послѣ

многихъ хлопотъ, онъ получилъ мѣсто коменданта санитарнаго поѣзда. Наташа одобрила его намѣреніе. Она думала и надѣялась, что въ своихъ поѣздкахъ онъ будетъ со своимъ поѣздомъ доѣзжать до тѣхъ мѣстъ, гдѣ будетъ находиться Коля, и хоть изрѣдка будетъ видѣться съ сыномъ или имѣть объ немъ прямыя извѣстія.

Наташа переѣхала на частную квартиру, и жизнь ея потекла грустно и одиноко. Одно время она рѣшила поступить въ сестры милосердія и для этого прослушала весь приготовительный курсъ въ одной изъ больницъ, но, заразившись, конечно, тамъ же трахомою глазъ, она должна была отказаться отъ этой мысли, такъ какъ ей долгое время пришлось возиться и лѣчить свои больные глаза.

Первое время письма отъ Коли приходили часто; онъ писалъ со всѣхъ большихъ станцій. Но потомъ она стала ихъ получать все рѣже и рѣже. Между отправкой и получкой время все стало увеличиваться и достигло наконецъ своего максимума, т.-е. мѣсяца, а иногда и больше. Вотъ письма уже изъ Манчжуріи, съ китайскими названіями станцій и городовъ. Наташа купила себѣ карту военныхъ дѣйствій и вмѣстѣ съ газетными извѣстіями слѣдила, какъ японскій спрутъ все больше и больше захватывалъ своими щупальцами, какъ разстояніе отъ насъ до врага все укорачивалось... Вотъ Гунджугинъ, вотъ Маймыкай, Куанчендзы, Сипингай... Здѣсь теперь, вотъ въ этой точкѣ ея ненаглядный!

А кто можетъ поручиться, что завтра эта точка, такая маленькая, такая ничтожная, но въ которой сейчасъ вотъ сосредоточилась вся ея жизнь, всѣ ея помыслы, что эта точка не очутится завтра въ лапахъ врага, что все тамъ будетъ сметено, уничтожено и что въ этомъ вихрѣ, въ этомъ ураганѣ исчезнетъ и ея сокровище, какъ былинка, какъ незамѣтная, крошечная песчинка!..

Кому какое дѣло до него! Онъ военный матеріалъ, онъ пушечное мясо. Неужели въ такія важныя политическія минуты государству есть время или оно обязано думать о томъ, что вотъ теперь тысячи, десятки тысячъ матерей плачутъ и не могутъ утѣшиться, какъ ветхозавѣтныя Рахили о дѣтяхъ своихъ, которыхъ иныхъ ужъ нѣтъ, а иныхъ не будетъ завтра!..

Все длиннѣе и длиннѣе списки убитыхъ и раненыхъ. Сколько знакомыхъ именъ! Однихъ знала лично, другихъ по наслышкѣ. Вотъ послѣ этого осталась старуха-мать, вотъ у того—жена и дѣтки. А вотъ завтра или черезъ недѣлю она въ этихъ спис-

кахъ прочтетъ и имя своего ненагляднаго! Вотъ письмо отъ него; онъ пишетъ, что здоровъ, чувствуетъ себя хорошо, дѣла большого не предвидится. Но письмо писано въ апрѣлѣ, а теперь—май. Прошелъ мѣсяць, цѣлый мѣсяць. Въ газетахъ было извѣстіе, что было дѣло тамъ-то и тамъ-то. Уцѣлѣли, конечно, не многіе. Можетъ быть, и его уже нѣтъ въ живыхъ! Можетъ быть, вотъ сейчасъ, когда она читаетъ это письмо, онъ уже лежитъ или мертвый, брошенный, или раненый, изуродованный! И онъ одинъ! Можетъ быть, даже зоветъ ея! А ея нѣтъ тамъ, возлѣ него!..

Чѣмъ она лучше другихъ, чтобы Господь помиловалъ ее! Чтобы этотъ ужасъ миновалъ ее! Почему и ей не пить чаши, которую пьютъ теперь всѣ осиротѣвшія матери и жены! Нѣтъ, конечно! и иногда она и не надѣялась больше. Она только думала о томъ, какъ она узнаетъ это, какимъ образомъ эта вѣсть дойдетъ до нея! Прочтетъ ли она это въ газетахъ, получитъ ли письменное сообщеніе, что сынъ ея умеръ героемъ, или просто убитъ осколкомъ гранаты, или пропалъ безъ вѣсти!.. Она не знала. Но эта картина, картина получки этого извѣстія была у нея постоянно передъ глазами. Ну вотъ, предположимъ, она узнала! Вѣсть эта поразила ея сознаніе. И что-жь! Она жива еще? Что съ ней? Что она сдѣлаетъ?.. И ей всегда казалось, что, если бы это случилось, она закричала бы, закричала бы такъ, какъ долженъ кричать человѣкъ, котораго убиваютъ, дикимъ, звѣринымъ крикомъ и что съ этимъ крикомъ отлетѣла бы и ея душа! Потому что дальше—ничего!.. Его нѣтъ и ничего нѣтъ! Не можетъ быть! И съ такими мыслями прожила она годъ, больше года... Какъ выносилъ человѣкъ! Онъ и самъ не знаетъ, что онъ можетъ пережить и вынести!

Какъ ни странно покажется, но среди этого безпросвѣтнаго горя, выдалось нѣсколько свѣтлыхъ минутъ, конечно, относительно. Это были тѣ минуты, когда она напутствовала своимъ материнскимъ благословеніемъ и обѣтомъ молиться за нихъ нѣкоторыхъ товарищей Коли, которые, отправляясь тоже на театръ военныхъ дѣйствій, заѣзжали нарочно къ ней проститься въ память той любви и ласки, которыми она ихъ дарила во времена ихъ юности. Это глубоко трогало ее и во все время войны вплоть до ихъ возвращенія, имена ихъ въ ея молитвѣ слѣдовали непосредственно за дорогимъ именемъ ея мальчугана.

А что дѣлалось тамъ, на Дальнемъ Востокѣ! Страшно подумать. Ни одной утѣшительной вѣсти! Пораженія за пораженіями! Мукденъ, Лаоянъ и наконецъ кровавый день Цусимскаго боя! Это было послѣдней каплей, переполнившей чашу. Всѣ надежды рухнули. Если Москва была потрясена, то что сказать о Петербургѣ? Онъ весь облекся въ трауръ. Кажется, не было дома, семьи, гдѣ бы кого-нибудь не оплакивали. Встрѣчаясь на улицѣ, прѣзжая къ знакомымъ, говорили только объ этомъ ужасѣ. Недовольство противъ правительства росло. Немировичъ-Данченко въ своихъ статьяхъ „Слѣпая Война“ облекъ всѣ эти невысказанныя мысли въ слова. Изъ-за его статей даже розничная продажа той газеты, гдѣ онѣ печаталась, была воспрещена. Всѣмъ досталось отъ него, отъ мала до велика. Онъ доказывалъ, что одна изъ главныхъ причинъ всѣхъ нашихъ неудачъ происходитъ отъ розни, которая существуетъ между начальствомъ и солдатомъ. Онъ осуждалъ начальство за то, что оно обезличиваетъ солдата. И въ этомъ онъ былъ правъ. Вѣдь солдатамъ воспрещалось думать самостоятельно.

Наташа знала взглядъ Коли на это. Она знала, какъ онъ былъ любимъ въ полку этой меньшей братіей, и потому въ письмахъ своихъ къ нему она часто и много говорила съ нимъ объ этомъ предметѣ. Она совѣтовала ему стараться поднять ихъ нравственный уровень, попробовать разсѣять ту страшную тьму, которой полны ихъ головы, взглянуть на солдата, какъ на человека, у котораго есть своя личная жизнь, личные интересы, личное горе; войти въ его положеніе, какъ человека ограниченаго строгой рамкой дисциплины, достучаться до его души, до его ума; поднять его самого въ его собственныхъ глазахъ. Неужели это *только* пушечное мясо, которое безъ мысли, безъ желанія должно идти въ бой? Вѣдь, если интеллигентная часть общества не понимала смысла этой волны, то какъ же должно было быть тяжело имъ, этимъ несчастнымъ! Но ихъ легче успокоить, легче объяснить все, они не такіе требовательные, они будутъ довольны малымъ.

У Коли былъ денщикъ; по его отъѣздѣ онъ остался въ Москвѣ; но такъ тосковалъ по немъ, что рѣшилъ отправиться на войну. Въ послѣднихъ числахъ мая была отправлена на Востокъ изъ Р—аго полка партія солдатъ въ 250 человекъ, и Петръ отправился съ ними въ надеждѣ, что ему удастся розыскать тамъ своего барина. Грустная и взволнованная Наташа простилась съ нимъ, дала ему денегъ на дорогу и письмо къ Колѣ. Ее несказанно трогала эта привязанность; и она ее цѣ-

нила гораздо больше, чѣмъ любовь и хорошія отношенія къ Колѣ его начальства и товарищей.

Но вотъ и августъ 1905 года. Витте уѣзжаетъ въ Америку для переговоровъ. Портсмутъ—вотъ точка, на которую устремлено теперь все вниманіе Россіи. Будетъ ли это Портъ-Смутъ или Портъ-Мира, какъ говорили тогда? Въ газетахъ вѣсти съ театра войны плохія, настроеніе натянутое. А если бы знать, какъ натянуты нервы у всѣхъ тѣхъ, у кого на поляхъ Манчжуріи есть дорогіе сердцу. Иногда кажется, что и не выдержать этого страха и тоски. Хочется уйти куда-нибудь, далеко, далеко отъ людей, отъ самой себя. Говорятъ о возможности большого, небывалаго боя. И значить опять пораженія, опять гекатомбы убитыхъ! Вѣдь въ той войнѣ у насъ нѣтъ ни одной побѣды. Говорятъ о свиданіи Государя съ Императоромъ Вильгельмомъ въ Біоркѣ, хотя Витте и опровергаетъ эти слухи.

Вотъ они, всѣ эти пункты Портсмутскаго договора! Но какую мать или жену интересуютъ они? Прекратилась рѣзня—чего же больше? И всѣ возносятся къ Богу самыя искреннія и теплыя молитвы. Что же касается Сахалина, Ляодуна, Квантуна и т. д., то все это для большей части русскихъ одни пустые звуки!..

Но наконецъ миръ заключенъ, и сердца русскихъ ввдохнули свободнѣе.

Какъ изобразить, какъ описать и передать то, что чувствуетъ Наташа! Ея положеніе схоже съ положеніемъ человѣка, обреченнаго на смертную казнь и которому читаютъ помилованье!

Сначала испугъ, оцѣпенѣніе, потомъ сознаніе совершившагося и радость, безконечная радость. Вотъ письмо, написанное ею Колѣ послѣ заключенія мира:

„Слава въ вышнихъ Богу, на землѣ миръ! Съ какимъ чувствомъ я пишу тебѣ эти слова—ты самъ поймешь, мой хорошій, дорогой, родной! Словъ нѣтъ, чтобы сказать, какъ бьется мое сердце, слезы застилаютъ глаза, и вся я, все мое существо стремится къ тебѣ, моему ненаглядному, дорогому сынишкѣ! Но, какъ и всѣ измученные и изстрадавшіеся люди, я не смѣю еще, не могу вѣрить моему счастью! Не вѣрю, что придетъ минута (о времени я уже не говорю), что я тебя увижу, обниму, дотронусь руками до твоихъ глазъ, волосъ, до всего тебя... буду ласкать, ласкать тебя безъ конца!.. О, мой родной! вѣдь знаешь ли,

вотъ уже полгода, что я стараюсь приучить себя къ мысли, къ этой страшной, ужасной мысли, что я могу тебя больше не увидѣть! Вотъ шесть мѣсяцевъ, какъ душа моя умпраетъ каждый день! И вдругъ, третьяго дня сердце встрепенулось уже не такъ болѣзненно, искра свѣта, счастья мелькнула въ моей измученной душѣ. Проснулась надежда! Господи, какъ много это значитъ! Вѣдь, пойми—ты, ея *не было* у меня! Я каждый день готовилась къ неизбежному несчастью и только все думала, какъ придетъ мнѣ вѣсть о немъ, *какимъ образомъ* поразить оно меня! Но не хочу больше говорить объ этомъ. „На землѣ миръ“! Будемъ молиться теперь только Господу, чтобы Онъ довершилъ свое милосердіе и далъ намъ встрѣтиться въ счастья и радости“...

Но, Боже, какъ долго пришлось ей еще ждать завѣтной минуты! Сколько понадобилось времени, чтобы вернуть весь этотъ человѣческій потокъ по одноколѣйной Сибирской дорогѣ!

Андрей Александровичъ дѣлаетъ уже пятый или шестой рейсъ въ Манчжурію со своимъ санитарнымъ поѣздомъ. Каждый разъ поѣздъ привозитъ цѣлыя партіи раненыхъ. Скарятинъ доволенъ своей службой; онъ можетъ здѣсь примѣнить свою энергичную и неутомимую дѣятельность. Но надежды Наташи о возможности свиданія отца съ сыномъ не сбываются. Ужъ очень трудно тамъ въ этомъ безпорядкѣ, на этомъ громадномъ пространствѣ найти другъ друга. Понемного начинаютъ двигаться и наши войска. Не съ триумфомъ и славою возвращаются они, эти незамѣтные герои, покорно подставлявшіе свои головы и груди подъ удары непріятеля. Не по своей, а по чужой волѣ возвращаются они, побѣжденные, раненые, изуродованные, безславные! Не хвалебными гимнами, не побѣдоносными кликами встрѣчаетъ ихъ родина, сама залитая вся кровью междоусобной войны. Иные изъ нихъ съ дороги, иные уже изъ центра бредутъ и расходятся по своимъ угламъ. Горе тѣмъ, которымъ уже ждатель некого! Могильная тишина вокругъ нихъ не прерывается радостнымъ трепетомъ возвращенія и воскресенія изъ мертвыхъ. Но за то тамъ, гдѣ ждуть, гдѣ надѣются—какой восторгъ, какая радость, какое блаженство! Только бы не было какихъ перемѣнъ, только бы не случилось что въ дорогѣ.

М. С.

(Окончаніе слѣдуетъ).

